

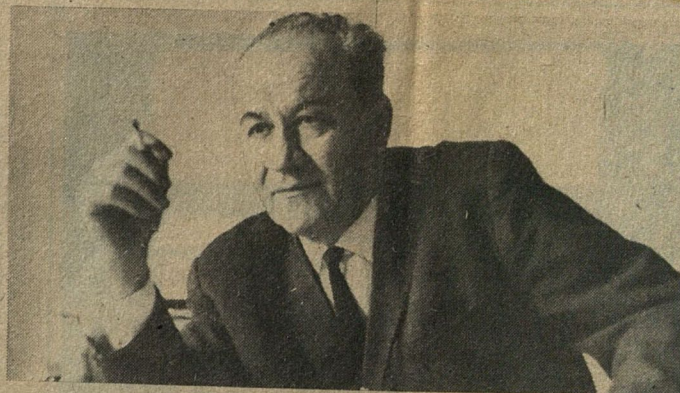
Натрошвили Георгий

Вечерний Тбилиси

ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ
Г. ТОНДРА

15 июня 1981 года

ЯСНОСТЬ СЛОВА, ЯСНОСТЬ МЫСЛИ И ЧУВСТВ

Сначала — о диапазоне творческой и общественной деятельности Георгия Натрошвили. Этот известный грузинский писатель — хорошо образованный литературовед и вдумчивый критик, прозаик со своеобразным восприятием мира, не без успеха пробовавший перо и в драматургии, зоркий публицист, знаток фольклора, общественный деятель и опытный редактор, на протяжении многих лет возглавляющий редакцию журнала «Мнаობი». Может быть, такая трудовая нагрузка и помешала ему создать большие эпические произведения. Впрочем, кто знает, возможно, что в его письменном столе и хранятся объемистые рукописи, ожидающие лишь окончательной литературной отделки.

Георгий Натрошвили — скромный и нешумный писатель. И 70 лет его жизни прошли без шума, как один обыкновенный день. Неслучайно и его увлечение народной поэзией (на эту тему у писателя есть небольшой очерк). Его отношению к фольклору чужда неразборчивость. Г. Натрошвили удается находить настоящие жемчужины народного творчества.

Для Георгия Натрошвили характерно сильное стремление к естественности и ясности слова, к слову свободному, невывученному, емкому.

Дарование писателя и стиль его народны. О чем бы ни писал Георгий Натрошвили, в его художественных произведениях всегда чувствуется живое дыхание родины — близкой или далекой, особенно его родной Кахетии. И поэтому естественно, что ему хорошо удается рассказывать о жизни родного края. Неиссякаемое жизнелюбие человека-труженика Г. Натрошвили изобразил в прекрасном рассказе «Смерть беззаботного человека». Но если б в этом рассказе говорилось лишь о безоблачной судьбе человека, он был бы бесцветным, лишенным мускулатуры. Но рассказ покоряет своей скрытой, глубоко трагической напряженностью.

Таков лишь один пример из большого, яркого и многогранного творчества писателя.

К свету стремится, свету радуется писатель и в творчестве, и в общении с людьми, в мыслях, переживаниях, в произведениях. Богата творческая, гражданская и боевая биография Георгия Натрошвили. Из огня сражений Великой Отечественной войны вынес он, фронтовик, и неугасающую боль по ушедшим, и раны, и мужество души, и творческий заряд.

Созданные писателем художественные образы четко отпечатываются в сознании читателя, формируя в нем личное отношение к изображаемому. Омерзение и ненависть вызывает убийца Ильи Чавчавадзе («Кто этот человек?»). Возвышенные чувства будит ясный, светлый, овеянный романтизмом облик Давида Гурамишвили («Сон»). Волнуют напряженные эпизоды революционно-освободительного движения, выписанные энергичными штрихами образы борцов («Цицико», «Поезда не будет»).

Красочный, привлекательный фон во многих рассказах писателя создают живописные картины Кахетии. И люди в них так же просты и непосредственны, как природа. Как органично, например, вписывается в природу благодатного края простодушный, чистый, немного наивный и тихий «сын полей», работающий сначала бригадиром, а потом инструктором райкома. Из наивного желания походить на секретаря райкома — человека, который произвел на него сильное впечатление и которого он глубоко уважает, он подражает даже его походке. Этот персонаж вылеплен из жизненного материала кахетинской деревни, как и герой другого рассказа — «И снова на Иори весна» — пастух Иорам. Впечатляет драматическая судьба доброго и щедрого души человека. Полон для читателя глубокого значения жизненный путь этого труженика.

Одна из главных тем

Натрошвили — прозаика — утверждение человека как творца человеческих ценностей. По мысли писателя, поиск добра, в сущности, есть поиск вечности. Как здесь не вспомнить Ф. Шиллера: «Хоть не вечен человек, но что вечно — человечно».

Писатель Георгий Натрошвили удивительно жадный читатель — свойство, критику необходимое. Читает он с поразительной быстротой и читает очень много. Во многих областях здесь его познания просто энциклопедичны. Неслучайно относятся к лучшим образцам грузинской литературно-критической мысли его статьи и очерки о писателях — классиках и современниках, о тенденциях литературного процесса в наши дни. Об этом свидетельствуют и последние по времени выступления Натрошвили, глубокий, страстный монографический очерк Г. Натрошвили о Давиде Гурамишвили, ряд других статей.

Прост, ясен, прозрачен и естествен язык писателя. Стиль его лишен каких бы то ни было словесных излишеств, нарочитых красотостей, отсюда — его выразительность.

Ясность в общении, ясность в слове, ясность мысли и чувств — к этому стремится неустанно писатель. Горею об этом, я не могу не вспомнить замечательный эпизод из одного фронтового рассказа Георгия Натрошвили.

«В комнате было темно. При вспышках ракет в окна проникал мертвенно-бледный, зловещий свет, за окном валил густой снег... Свет угасал, и становилось темно, хоть глаз выколи».

Мальчик успокоился. Но вскоре я снова услышал его голос:

— Мама, скажи что-нибудь... Когда ты говоришь, в комнате не так темно».

Этот эпизод наполнен напряженным чувством и светлой мыслью. В нем нет излишней красочности, и в то же время ощущается характерное для писателя стремление к ясности и естественности. Трагическое звучание картины придает наивная вера ребенка в то, что голос матери может уничтожить темноту. Какое проникновение в душу ребенка (да разве только ребенка?) как психологически правдиво, глубоко, точно передано в нем чувство, сколько в нем чистоты и, если хотите, мудрости. В этой реплике и большая человеческая боль, и большая надежда.

В произведениях Георгия Натрошвили мы найдем много эпизодов, картин, отрывков, столь же емких, душевно щедрых, высоких по мысли. Пожелаем же Георгию Натрошвили дальнейшей плодотворной работы. Пусть перо писателя часто радуется его благодарных читателей.

Л. КАЛАНДАДЗЕ.